

8. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 71–76.
9. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: УРСС, 2012.
10. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В.В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – Вып. 3. – 1992.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М., 2003.
12. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН СЛЯ. Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
13. Мартынов В.В. Семиологические основы информатики / В.В. Мартынов. – М., 1974.
14. Мартынов В.В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В.В. Мартынов. – Минск: ЕГУ, 2001.
15. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра / С.С. Неретина. – М., 1994.
16. Пименова М.Вл. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М.Вл. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 82–90.
17. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 2004.
18. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997.
19. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М., 2007.
20. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: УРСС, 2001.
21. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

Д.А. Морель Морель
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия

ДИНАМИКА «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ» КОНЦЕПТОВ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Различные вариации на тему высказывания «Чтоб ты жил во время перемен!» издавна расцениваются в европейской культуре как проклятия, и неспроста они упоминаются одним из столпов философии экзистенциализма Альбером Камю [3]. Именно в подобные периоды, являющиеся «пограничными ситуациями» не только для «маленького человека», но и для целых народов, происходит мучительная ломка систем взглядов на мир. Глубина социально-политических потрясений и чудовищность мировых войн XX века – «века гибели иллюзий», века

«кризиса» и «тревоги» – привели к выводу о «бессмысленности традиционных взглядов на историческое развитие и неустранимом трагизме человеческого существования» и появлению и распространению экзистенциализма – «философии отчаяния», «философии кризиса» [4: 363–364].

Потрясения подобной глубины должны оказывать влияние даже на концептуальную систему, понимаемую как «весь объем моделей описания и осмысления мира и его фрагментов» [13: 23], при всей ее консервативности. М. Вл. Пименова, анализируя причины, приводящие к эволюции концептуальной системы, выделяет следующий класс факторов:

«Изменение языкового сознания народа. Такие изменения сопряжены с культурными событиями, связанными с историческими, экономическими, просветительскими новшествами.

Оно выражается в: а) вытеснении из языка слов и соответствующих концептов из концептуальной системы, которые перестали быть актуальными; б) в увеличении объема понятийных признаков некоторых концептов; в) исчезновении понятийных признаков определенных концептов и заменой их другими. Это далеко не полный перечень форм таких изменений» [Там же: 30].

Глубинные и крайне болезненные для нашего общества процессы, охватившие Евразию после падения «железного занавеса» в конце XX века, не могли не сказаться на состоянии русской национальной картины мира [20: 7–9]. На переломе эпох резко активизировались процессы возникновения, обогащения, изменения, угасания и исчезновения концептов [15: 125–126].

Поскольку концепт «тесно связан с ассоциативным пространством (полем) имени, в нем проявляясь» [7: 267–268], и при этом он – «величина динамичная, в огромной степени зависящая от состояния общества, общественной ситуации» [15: 164], одним из эффективных способов изучения проявлений его динамики ассоциативный эксперимент: «в настоящее время возрос интерес к изучению динамики языкового сознания на материале сопоставительного анализа ассоциативных полей, разных по времени фиксации» [1: 15], что свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Ранее нами было проведено подобное сопоставительное исследование на материале имен ряда культурных концептов (которые, будучи «константами культуры», вовсе не являются чем-то застывшим, статичным [17]), подтвердившее выдвинутую гипотезу о том, что изменения ассоциативного поля в диахронии несколько схематично, но

вполне достоверно отражают динамику концепта в «наивной» картине мира [10].

В настоящей работе мы бы хотели обратиться к динамике ряда концептов, которые должны приобретать особое «звучание», «остроту» и «глубину» именно на переломе эпох, в периоды нестабильности, отмеченные неуверенностью в завтрашнем дне, крахом иллюзий и надежд, а в худшем случае – страхом, страданиями и смертью. Данные концепты соответствуют «конкретной» онтологии экзистенциалов человеческого бытия, под которой понимается «новая трактовка метафизики, обращенной к человеку, к его страху, одиночеству, тоске, свободе, отчаянию, смерти, скуке, тошноте как трансценденциализмам, определяющим человеческое бытие. Основаниями экзистенциалов оказываются изначальная неопределенность; антиномичность, со-присутствие взаимоисключающих, полюсно-напряженных, «пограничных» ситуаций (жизнь-смерть и др.)» [2: 6].

Подобного рода концепты – «страх», «тоска», «одиночество», «жизнь», «смерть» и т.п. – мы условно назвали «экзистенциальными». К ним мы также относим и бинарные концепты (см.: [14: 78]) «война» и «мир». Война, будучи квинтэссенцией страха, отчаяния и смерти, выступает очевидным «пограничным состоянием», поэтому ее включение в данную категорию не должно вызывать сомнений. Кроме того, «война» является одной из распространенных когнитивных метафор [8], чем представляет несомненный интерес. «Мир» – одна из «констант культуры», по Ю.С. Степанову [17: 95–142]. При этом в современной русской картине мира концепт «мир» имеет два четко выраженных аспекта: онтологический (*мир*) и экзистенциальный (*мир*) [19: 925, 927; 17: 95].

Поскольку «экзистенциальные» концепты явно подпадают под определение ключевых концептов культуры («ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для ... сообщества в целом» [9: 51]), мы считаем необходимым дополнить данной группой классификацию, приведенную в статье М. Вл. Пименовой [12: 38–39].

В данной статье мы, возможно под влиянием геополитической конъюнктуры, решили ограничиться рассмотрением пары «мир – война».

Поскольку материалом исследования послужили данные «Русского ассоциативного словаря» и авторского эксперимента, то начальной точкой фиксации отобранных ассоциативных полей стал период с 1988 по 1997 г. (далее – T_0) [16: 3–5], а конечной – 2013–2014

гг. (далее – T_1). Таким образом, настоящее исследование охватывает весь этап «интересных времен» в новейшей истории нашей Родины от перестройки до наших дней.

Респондентами ассоциативного эксперимента, легшего в основу «Русского ассоциативного словаря», были студенты в возрасте 17–25 лет. Авторский эксперимент, для обеспечения чистоты, был максимально приближен к процедуре, описанной в «Русском ассоциативном словаре». Таким образом, T_0 -респонденты родились и сформировались как личности в условиях советского строя, тогда как T_1 -респонденты представляют поколение, появившееся на свет и выросшее уже после окончательного развала СССР.

Для каждой точки фиксации проводилась семантическая кластеризация ассоциативных полей – объединение ассоциатов по когнитивным признакам, соответствующим признакам / слоям / сегментам полевой модели концепта [18: 59–60] или, скорее, слотам концепта-фрейма (с учетом имманентной связи последнего с категорией стереотипности [11]). Для каждого выявленного кластера определялась степень его репрезентированности (P) в составе поля – процентная доля репрезентирующих его реакций от общего числа различных реакций, составляющих поле на данном этапе фиксации – и его суммарная частотность ($Ч$) – процентная доля упоминаний репрезентантов кластера от общего числа приведенных респондентами ответов. Последний показатель представляется нам более важным, поскольку именно он напрямую отражает степень релевантности выявленного признака и, следовательно, степень функциональной значимости соответствующего компонента структуры концепта для языкового коллектива. Далее вычислялись коэффициенты роста частотности ($K_{рч}$) и репрезентированности ($K_{рр}$) в пределах рассматриваемого временного интервала.

Теперь перейдем к рассмотрению полученных результатов.

1. Структура и динамика «экзистенциального» концепта «война», выявляемая по результатам анализа одноименных ассоциативных полей по состоянию на T_0 и T_1

Наиболее частотные ассоциации на стимул *война*:

- на T_0 : *мир* (14,42%), *миров* (7,99%), *и мир* (6,43%), *смерть* (4,39%);
- на T_1 : *мир* (12%), *смерть* (6%), *плохо* (5%), *страх* (4%).

Таким образом, стереотипными реакциями на приведенный стимул у T_0 -респондентов являются противопоставление войны миру и соотнесение ее с литературным произведением, содержащим в названии слово-стимул, у T_1 -респондентов – противопоставление ее миру и

соотнесение ее с чем-то негативным. Любопытно, что ассоциация *враг* оказалась актуальной только для T_1 -респондентов.

Анализ полей слова-стимула *война* позволил выявить 29 кластеров, репрезентирующих признаки одноименного концепта (см. Табл. 1).

Таблица 1

Динамика кластеров ассоциативных полей слова-стимула <i>война</i> № п/п	Кластеры <i>война</i> ...	$Ч_0$	$Ч_1$	$K_{PЧ}$	P_0	P_1	K_{PP}
1)	vs. мир	14,90	12	0,81	1,89	1,7	0,91
2)	это художественное произведение	15,53	9	0,58	3,77	6,9	1,83
3)	это конкретное историческое событие	6,75	6	0,89	6,6	6,9	1,04
4)	это определенный тип конфронтации	4,09	3	0,73	4,72	5,2	1,10
5)	это ее определенное внешнее проявление	3,78	0	0,00	6,13	0,0	0,00
6)	это страх и ужас	9,25	7	0,76	6,6	5,2	0,78
7)	это смерть	5,34	9	1,69	1,89	6,9	3,66
8)	это страдания	2,84	4	1,41	4,25	5,2	1,22
9)	это плохо	2,22	7	3,15	4,72	3,4	0,73
10)	это кровь	1,73	2	1,16	0,94	1,7	1,83
11)	это беда	1,10	2	1,82	1,89	1,7	0,91
12)	это бойцы	1,12	0	0,00	3,3	0,0	0,00
13)	это сражение	0,79	1	1,27	0,94	1,7	1,83
14)	это огневое воздействие	0,8	2	2,50	2,36	3,4	1,46
15)	это оружие	0,79	6	7,59	1,89	8,6	4,57
16)	это поражение	0,32	2	6,25	0,94	3,4	3,66
17)	характеризуется охватом территории	3,63	3	0,83	4,72	3,4	0,73
18)	имеет определенную продолжительность	1,1	0	0,00	2,36	0,0	0,00
19)	кого-то с кем-то	2,54	1	0,39	5,66	1,7	0,30
20)	с немцами	0,95	4	4,21	2,36	3,4	1,46
21)	во благо	2,51	0	0,00	2,36	0,0	0,00
22)	жестокая	2,35	0	0,00	1,42	0,0	0,00
23)	ядерная	1,73	2	1,16	1,42	3,4	2,44
24)	разрушительная	1,72	1	0,58	1,89	1,7	0,91
25)	ожесточенная	0,8	0	0,00	2,36	0,0	0,00
26)	закончилась	2,36	1	0,42	2,83	1,7	0,61
27)	началась и идет	1,26	1	0,79	1,42	1,7	1,22
28)	не нужна	1,41	2	1,42	1,89	3,4	1,83
29)	не повторится	0,48	0	0,00	1,42	0,0	0,00

По состоянию на T_0 в составе поля присутствуют репрезентанты всех кластеров.

Если судить по суммарной частотности кластеров, то война главным образом ассоциируется с литературным произведением (15,53% от всех реакций), преимущественно с «Войной миров» (7,99%) и «Войной и миром» (6,59%), противопоставляется состоянию мира (14,9%), воспринимается как нечто страшное (9,25%), соотносится с определенным историческим событием (6,75%), по большей части с Великой Отечественной, и со смертью (5,34%).

Наиболее широким диапазоном средств репрезентации располагают кластеры «страх и ужас», «конкретное историческое событие», «определенное внешнее проявление», «война кого-то с кем-то».

По состоянию на T_1 наблюдается деактуализация семи кластеров: «определенное внешнее проявление», «определенная продолжительность», «во благо», «жестокая», «ожесточенная», «не повторится», «бойцы».

Согласно показателям суммарной частотности война противопоставляется миру (12%), соотносится с литературным произведением (9%), преимущественно с «Войной миров» и «Войной и миром» (по 3%), со смертью (9%) и страхом (7%), ей дается общая негативная оценка (7%).

Таким образом, пять кластеров (№№ 1–3, 6–7), формировавших (по состоянию на T_0) ядро и ближнюю периферию, сохраняют свои позиции в структуре поля, однако обнаруживают устойчивую тенденцию к снижению своей релевантности. Исключение составляет стабильно растущий кластер «смерть». Кроме того, в ближнюю периферию проникают кластеры «оружие» (абсолютный лидер по темпам роста) и «общенегативная оценка» (развивающийся по «доминантному» типу: сокращение числа ассоциатов с резким повышением частотности одного из оставшихся).

Высокие темпы роста (как частотности, так и репрезентированности) демонстрируют кластеры «поражение», «война с немцами» и «огневое воздействие», растут также кластеры №№ 10, 13, 23, 28. Отрицательные темпы прироста по обоим показателям отмечаются у кластеров «война кого-то с кем-то», «закончилась», «разрушительная», «характеризуется охватом территории».

2. Структура и динамика концепта «мир», выявляемая по результатам анализа одноименных ассоциативных полей по состоянию на T_0 и T_1

Наиболее частотные ассоциации на стимул *мир*:

– на T_0 : *миру* (5,71%); *большой* (4,76%); *война* (4,76%); *труд, май* (4,76%);

– на T_1 : *война* (13%); *земля* (4%); *во всем мире* (4%); *дружба* (4%).

Таким образом, респонденты обеих групп стереотипно соотносят мир с войной (определяют его как состояние без войны и вражды либо противопоставляют его войне), а уже затем – с Землей.

Анализ полей слова-стимула *мир* позволил выявить 9 кластеров, репрезентирующих признаки одноименного концепта (см. Табл. 2).

Таблица 2

№ п/п	Кластеры <i>мир...</i>	$Ч_0$	$Ч_1$	$K_{PЧ}$	P_0	P_1	K_{PP}
1)	это Вселенная или ее часть	6,66	7	1,05	7,04	5,6	0,79
2)	это Земля	27,58	26	0,94	23,94	29,6	1,24
3)	это бытие, строй жизни	7,60	3	0,39	11,27	3,7	0,33
4)	это область жизни, явлений, предметов	10,45	2	0,19	14,08	3,7	0,26
5)	это определенная общественная среда	1,90	5	2,63	2,82	7,4	2,63
6)	это дружба	2,85	4	1,40	2,82	1,9	0,66
7)	это спокойствие, душевное благополучие	5,70	10	1,75	5,63	13,0	2,30
8)	это отсутствие войны	24,72	18	0,73	21,13	18,5	0,88
9)	vs. война	4,76	14	2,94	1,41	3,7	2,63

К проблематике данной статьи непосредственное отношение имеют только четыре последних кластера.

Все выявленные кластеры имеют средства репрезентации на обоих этапах фиксации поля.

Для T_0 -респондентов мир – это Земля (27,58%), отсутствие войны (24,72%), область жизни, явлений, предметов (10,45%), причем ранжирование упомянутых кластеров по частотности и репрезентированности совпадает. Оставшиеся три интересующих нас кластера – «спокойствие, душевное благополучие», «мир vs. война», «дружба» – представлены довольно слабо: 5,7%, 4,76%, 2,85%, соответственно. Таким образом, кластеры, соотносящиеся с экзистенциальным аспектом концепта «мир», распределены в структуре

T_0 -поля от ядра до дальней периферии и имеют достаточно четко выраженную собственную полевую организацию (при этом их суммарная частотность выше репрезентированности, т.е. вес повторяющихся ассоциатов выше, чем у единичных).

Судя по показателям суммарной частотности, для T_1 -респондентов мир – это, главным образом, Земля (26%), отсутствие войны (18%), спокойствие, душевное благополучие (10%), также ему противопоставляется война (14%). На еще один интересующий нас кластер – «дружба» – приходится 4% от всех реакций.

Ключевыми для понимания динамики экзистенциального аспекта концепта «мир» являются две разнонаправленные тенденции: стабильный рост кластеров «мир vs. война» и «спокойствие, душевное благополучие» при заметном снижении релевантности кластера «отсутствие войны». Последняя тенденция привела к тому, что данный кластер, сохранив второе место (как по частотности, так и по репрезентированности), перешел из ядра в ближнюю периферию за счет возникновения резкого разрыва между ним и ядерным кластером «Земля».

Любопытно при этом отметить сохраняющуюся актуальность некоторых штампов советской эпохи для T_1 -респондентов («миру → мир», «мир → труд, май», «мир → во всем мире»), что не позволяет говорить о полной «десоветизации» языкового сознания (ср.: [16: 4]).

Применительно к средствам репрезентации онтологического аспекта концепта «мир» обращает на себя внимание падение релевантности кластеров «область жизни, явлений, предметов» и «бытие, строй жизни», что позволяет делать осторожные выводы о некотором снижении интереса к окружающему миру в целом и общественной жизни в частности (наблюдаемый рост кластера «определенная общественная среда» не противоречит последнему положению, поскольку фиксируемые репрезентанты данного кластера соотносятся с непосредственным, ближайшим окружением респондента).

Принципиально новым в T_1 -поле является ассоциат $3D$, отражающий повсеместное распространение реалии, репрезентируемой кластером «область жизни, явлений, предметов».

Таким образом, для современных респондентов война оказывается едва ли не актуальнее «состояния без войны» (что вполне может быть объяснено перманентным обилием «горячих точек» по всему земному шару последнее время, при этом их удаленность и отстраненность респондента от них – «на экране»). На этом фоне логичным выглядит прирост числа и частотности репрезентантов кластера «спокойствие, душевное благополучие».

Итак, проведенное исследование позволило нам сформулировать

следующие выводы.

1. «Экзистенциальные» концепты «мир» и «война» демонстрируют внутреннюю структурную динамику в пределах исследуемого периода новейшей истории. Данная динамика может быть выявлена посредством сопоставительного анализа состояния ассоциативных полей имен концептов на начало и конец выбранного периода.

Более того, хотя «экзистенциальные» концепты и относятся к «вечным темам», и, казалось бы, ничего нового в содержательном плане приобрести уже не могут, на материале конкретных репрезентантов T_1 -полей обнаруживается некоторая новизна.

2. Ассоциативные средства репрезентации позитивного феномена («мир») обнаруживают большую стабильность и меньшее количество выявляемых структурных элементов, чем у феномена негативного. Существенно большая степень детализации стереотипных представлений о «войне» коррелирует с существованием в психологии «эмпирически обоснованных представлений о большей дифференцированности отрицательного домена опыта, по сравнению с положительным» [6: 24].

3. Выявляемые ассоциативные связи демонстрируют наличие и устойчивость во времени взаимосвязей между рассматриваемыми концептами. Также прослеживаются четкие связи с другими «экзистенциальными» концептами: «война → смерть», «война → страх», «война → страдание».

Очевидно, что «война» выступает своеобразным фокусом в этой минисистеме, «зеркальным» (см.: [5: 26–27]) концептом, и это понятно: состояние без войны воспринимается как должное, т.е. совсем не воспринимается, тогда как война поглощает, вынуждает сосредотачивать на ней все внимание.

4. Прослеживается вырождение структуры и нивелирование профиля поля слова-стимула *война*.

Отмечается явное снижение эмоциональной окрашенности восприятия войны, стирание ее визуальных образов, сокращение доли и веса глагольных ассоциатов, резкий прирост ассортимента и частотности упоминаний оружейных артефактов. Наблюдается резкое сокращение разнообразия упоминаемых конфликтов и их типов, разнообразия и частотности характеристик войны. Настораживает быстрый рост кластера «поражение».

Принципиально новым в T_1 -поле является фиксация образов современной мифологии ([война] *миров Z*», *НЛО*), просматривается тенденция переноса акцента с литературных произведений о войне на кинематографические.

С учетом вышеизложенного отношение современных

респондентов к войне можно, несколько утрируя, передать иронической формулой «кино и немцы».

5. В современной картине мира экзистенциальный аспект концепта «мир» развивается динамичнее аспекта онтологического.

Во-первых, на основе исследованного материала можно делать вывод о том, что именно экзистенциальный аспект увеличивает свою релевантность, тесня в этом отношении позиции второго. Для общества, пережившего системный кризис, сопоставимый по масштабам с революциями и гражданской войной начала прошлого века, это вполне логично и полностью соответствует положениям философии экзистенциализма.

Во-вторых, интересующий нас аспект демонстрирует более активную внутреннюю динамику. По сравнению с положением дел на начальном этапе, понимание мира как состояния **без войны** сменяется его восприятием как состояния, **противопоставленного войне**. Весьма тонкий, но достаточно показательный нюанс. Оппозиция «мир – война» внутри концепта становится из контрарной контрадикторной и более контрастной: соответствующий фрагмент картины мира стремительно «выцветает», теряя полутона.

Помимо этого, давление на кластер «мир как отсутствие войны» обнаруживается с другой стороны: абстрактный «мир во всем мире» подменяется миром в личном миреке: миром в душе и миром в межличностных отношениях.

Литература:

1. Алимущкина О.А. Возможности изучения стереотипов в ассоциативных полях / О.А. Алимущкина // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 2 (33): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 14–15.
2. Гагарин А.С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия / А.С. Гагарин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 7–26.
3. Душенко К. Чтоб ты жил в интересные времена! / К. Душенко // Читаем вместе. – 2009. – № 7. – С. 45.
4. История философии: учебное пособие для вузов / А.Н. Волкова, В.С. Горнев, Р.Н. Данильченко и др.; Под ред. В.М. Мапельман и Е.М. Пенькова. – М.: «Издательство ПРИОР», 1997. – 464 с.
5. Карасик В.И. Зеркальный концепт «простота» / В.И. Карасик // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике», Кемерово, 23–25 августа 2006 г. / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 26–41. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).
6. Колбенева М.Г. Психофизиологические закономерности иницируемой словами актуализации индивидуального опыта разной дифференцированности: автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.02 / Колбенева Марина Геннадьевна. – М., 2013. – 30 с.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В.Красных – М.:

ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.

8. Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2006. – С. 59–71.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.

10. Морель Д.А. Динамика культурных концептов сквозь призму ассоциативного эксперимента / Д.А. Морель // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 205–209.

11. Пименова М.Вл. Возвращение к вопросу о методе описания концептуальных структур (на примере концепта *надежда*) / М.Вл. Пименова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: СОГУ, 2014. – Вып. XVI. – С. 101–109.

12. Пименова М.Вл. Коды культуры в пространстве языка / М.Вл. Пименова // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / Отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек: КГУ, КазНУ, КемГУ, ВГУ, 2014. – С. 38–43. (Серия «Филологический сборник». Вып. 13).

13. Пименова М.Вл. Об эволюции концептуальной системы / М.Вл. Пименова // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / Соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – С. 20–37. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).

14. Пименова М.Вл. Языковая картина мира: учебное пособие / М.Вл. Пименова. – Изд. 3-е доп. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 106 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. – 314 с.

16. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов и др.; в 2 т. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – 784 с.

17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

18. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–65.

19. Толковый словарь живаго великорускаго языка В.И. Даля. – М.: Типография Лазаревского института восточныхъ языковъ, 1863. – Часть вторая. И–О. – С. 631–1351.

20. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Е. Ю. Ваулина [и др.]. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.